

УДК 398.54

**ОТРАЖЕНИЕ ДОБРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДЕРЕВЕНСКОЙ
МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.
В НАРОДНЫХ ЧАСТУШКАХ**

**PRE-MARITAL RELATIONS IN THE PEASANT YOUTH MILIEU IN THE
SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENT. AS REFLECTED IN FOLK
CHASTUSHKAS**

**С.П. Шаповалова, И.В. Истомина
S.P. Shapovalova, I.V. Istomina**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

e-mail: Shapovalova_S@bsu.edu.ru, Istomina_IV@bsu.edu.ru

Аннотация. Частушки, как и другие малые формы фольклора, весьма редко используются в качестве источников для анализа тех или иных исторических процессов. В статье рассматриваются народные частушки, в которых отражены добрачные отношения в русской деревне. Данные частушки являются важным источником для изучения вопросов повседневного быта, связанного с добрачным периодом в молодежной среде. Частушки отражают проблемы взаимоотношений юношей и девушек, связанных с переходом на новый возрастной уровень. Особенно ценным изучение частушек может стать для исследования социально-психологических процессов в русской деревне.

Resume. Chastushki, as well as other smaller folklore forms, are rarely used as sources in historical studies. The article deals with folklore chastushkas which reflect pre-marital relations in a Russian village. These chastushkas comprise an important source on the study of every-day life related to pre-marital time of the youth. These sources highlight the problems of gender relations among adolescents. The study of chastushkas might be especially valuable for analyzing socio-psychological processes in a Russian village.

Ключевые слова: добрачные отношения, народные частушки, крестьянство.
Key words: pre-marital relations, folk chastushkas, peasantry.

Для более широкого рассмотрения вопросов, связанных с добрачными отношениями в крестьянской среде, весьма часто используются фольклорные источники (поговорки, пословицы, песни, народные картинки, сказки и т.д.), народные частушки же и по сей день не привлекают особого внимания исследователей. В то же время, по своей информативности, объемности создаваемых образов, они не уступают указанным жанрам народного фольклора, в отдельных случаях по концентрации информации превосходят.

В словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона частушке дается следующее определение: «Частушка – современный тип народной песни, состоит из коротких строк и куплетов, содержание берется из текущей жизни»¹. Таким образом, частушка (коротушка, припевка, матаня, прибаска и т.д.) – это не просто смешная короткая рифмованная песенка, исполняемая под гармонь или балалайку, а точное отображение действительности, выраженной в яркой афористичной форме.

В своем классическом исследовании, посвященном фольклору, Ю.М. Соколов отмечает: «Частушки в своем генезисе – явление очень сложное. Теперь на основании уже многочисленных разысканий фольклористов (акад. А.И. Соболевского, проф. Д.К. Зеленина, Е.Н. Еленовской и др.) можно считать точно установленным, что по форме своей (краткость, рифмованность) частушка – старого происхождения и в своем истоке тесно связана с традиционным творчеством деревни. Действительно, исследователями были указаны некоторые записи крестьянских плясовых песенок конца XVIII и начала XIX в., очень близких по своему размеру и строению к частушкам»².

Наиболее емкое определение частушки, на наш взгляд, дает В.И. Чичеров: «Частушка – это короткая, обычно четырехстрочная, реже двустрочная или шестистрочная песенка, в которой запечатлен какой-нибудь один момент жизни или переживаний человека. Многие частушки, как

¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Малый энциклопедический словарь. СПб., 1909. Т. II, (Вып. IV). С. 2007.

² Соколов М.Ю. Русский фольклор. М., 2007. С. 469-470; Селиванова С.И.. Русский фольклор. Основные жанры и персонажи. М., 2008. С. 20.

правильно указывали исследователи, напоминают по своим особенностям моментальный снимок с яркой, типичной жизненной картины»³.

Во второй половине XIX в., даже точнее в последней его четверти, частушка стала пользоваться все большей популярностью. Главной причиной такого повышенного спроса на частушку, бесспорно, явилось сильнейшее изменение социально-экономического положения деревни в эпоху развития промышленного капитализма. В это время происходило разрушение патриархальных устоев крестьянского быта, увеличивалась связь деревни с городом, следовательно, все это приводило к изменению внешнего облика деревни, а также и психологического уклада ее населения. Более быстрый темп жизни диктовал появление новых поэтических форм со сжатым изложением и скоростью ритма. Частушка оказалась удобной формой для того, чтобы быстро и легко откликаться на все разнообразие личной и общественной жизни.

Содержание частушек очень разнообразно, оно определялось самой жизнью. Частушки по многообразию тем и широте затрагиваемых вопросов очень близки народной песне, пословицам, поговоркам и другим жанрам, всесторонне отражающим личную, семейную, общественную жизнь человека.

Так как тематика дореволюционных частушек преимущественно любовно-бытовая, это и позволяет более полно осветить некоторые аспекты, связанные с женскими представлениями о любви и будущем муже.

Русские крестьяне рассматривали вступление в брак как главное жизненное предназначение каждого человека, считая брак той единственной формой полноценной, добропорядочной жизни, которую благословил Господь Бог. По народным представлениям, в браке соединяются в единое целое две половинки – мужчина и женщина, которые сами по себе недостаточны. Брак для крестьян был не только залогом благосостояния, самостоятельности и веса в обществе, но это был еще и моральный долг. Только женатые люди могли быть правомочными на сельских сходах, имели возможность получить надел земли, завести самостоятельное хозяйство. Отсюда высокий уровень брачности в русской пореформенной деревне⁴. Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. свидетельствуют, что до 70% мужчин и женщин старше 15 лет состояли в браке, т.е. браки были всеобщими.

Данные демографической статистики указывают, что вне брака было менее 4% крестьян⁵. В основном это были физически неполноценные люди, которые в силу своего слабого здоровья оставались бесхозяйными, а по деревенским меркам – за бортом жизни. Добрый брачный союз превращает «человека безумного в человека разумного», сдерживает необузданные влечения и порывы, делает жизнь человека тихой, спокойной, ровной и, в конечном счете, счастливой. Брак был нужен для продолжения рода, крестьяне верили, что только в супружестве рождаются нормальные, здоровые дети⁶.

Нужно сказать, что при выборе жениха девушка предъявляла к парню несколько иные требования, чем при выборе почетника. Почетник в глазах односельчан был первым кандидатом в женихи данной девушки. Чаще всего их отношения и заканчивались свадьбой. Но это не считалось обязательным. Почетник мог жениться на другой девушке, а его почетница могла найти себе после этого другого молодого человека, который становился ее почетником и затем женился на ней. В основе лежало четкое нравственное убеждение: «Отношения между почетником и почетницей должны быть строго безупречными, и, как таковые, только они и допускаются родителями». Целовались парочки украдкой, но поцелуи с почетником или каким-либо другим парнем, предусмотренные правилами игры, возникавшие по ходу игры, совсем не считались предосудительными⁷.

В русской деревне модель взаимоотношений девушек и парней была выработана на протяжении столетий. Она предполагала, что девушки и парни составляли пары, которые назывались «игровыми», «игральными», то есть возникшими для совместного проведения «молодого времени», а девушку и парня в этой паре называли «игральщица» и «игральник», «почетница» и «почетник», «миленка» и «миленок» и т.п. Этнограф, собиравший сведения о быте крестьян Костромской губернии, так определил отношения внутри пары: «Игральщиком называет каждая девка парня, который больше всего с ней играет, которому она нравится, равно и ей он, другими словами, «милый»⁸.

Процесс складывания игровой пары основывался на местных этикетных норм и принятых правилах ухаживания. Деревенский этикет требовал, чтобы инициатива создания пары исходила от парня. Девушка могла только привлечь к себе внимание парней: «одеться модно, благородно», быть в меру раскованной, веселой, в меру скромной. На протяжении жизни многих поколений

³ Чичеров В.И. Русское народное творчество. М., 1959. С.435.

⁴ Русские / Под ред. В.А. Александрова, И.В. Власовой, Н.С. Полищук. М., 1999. С. 419.

⁵ Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Л., 1982. С. 206.

⁶ Шангина И.И. Русские девушки. СПб., С. 220.

⁷ Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 432.

⁸ Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.М. Тенишева. Т.1. СПб., 2004. С.56.

сложился определенный стереотип девичий красоты. «Красавой», «красулей» называли девушку «доброего надлежащего роста», крепкого телосложения, с высокой грудью, крупными бедрами, гладким, белым лицом, румяную, белозубую, чернобровую, с длинной русой косой. О внешне привлекательной девушке говорили, что она «девка из себя видная, румяная, толстая – страсть красивая». В старинный заговорах «на красоту» идеальная внешность описывается так: «Всех я трав выше, лазоревых цветков я зреее, всех белее и румяней», «плечами плечиста, грудями грудиста, речами речиста, лицом круглолица, на щеках алалица, бровями черна, очами очна»⁹. Помимо внешней привлекательности в девушках ценилась и жизненная активность, проявлявшаяся в танцах, играх, хороводах и самых разных жизненных ситуациях. Таким девушкам парни по большей части и отдавали предпочтение.

Пошла плясать,
Головой качну!
Кто тут с серыми глазами? –
Завлекать начну!

Пойду плясать,
Топну ноженькой,
Погляди-ка дорогой,
Мой хорошенький!¹⁰

В свою очередь, девушки считали привлекательными парней высокого роста, с полным, румяным лицом. Особенно ценились широкие плечи («косая сажень в плечах»), говорившие о силе, которая подразумевала и смелость. Это подтверждает следующая частушка:

Встало солнце золотое
Из тумана белого.
Мое сердце молодое
Любит парня смелого¹¹.

Немаловажным элементом была внешняя привлекательность. Русские крестьянки особенно ценили парней чернобровых и сероглазых.

Чернобровенький, молоденький,
Не стой передо мной,
Разгорится мое сердце,
Не зальешь его водой.

Сероглазый паренек
Мое сердечушко зажег.
Без лучины, без огня
Горит сердечко у меня¹².

Девушки предпочитали «гулять» с хорошо одетыми, щеголеватыми парнями, которые умели играть на гармонии или баяне.

Вот они идут, идут
Наши миленьки.
У них брюки галифе,
Рубашки синеньки.

А что это за гармошка?
А что это за баян?
А что это за парнишка
Хорошо играет нам?¹³

Помимо внешней привлекательности в почетниках ценилась немногословность, а самое главное трезвость:

У меня на сарафане
Длинная оборочка.
Мой миленок – редкобай,
Я – частоговорочка.

Хорошо дрова рубить,
Которые березовы.
Хорошо ребят любить,
Которые тверезые¹⁴.

О том, что в пореформенной деревне крестьяне пили мало и практически не было пьянства, писал знаток народной жизни, известный русский публицист Александр Николаевич Энгельгардт. В своей «Книге из деревни» он пишет: «Вообще нужно заметить, что между мужиками поселенцами отпетые пьяницы весьма редки. Я уже год живу в деревне и настоящих пьяниц, с отеками лицами, помраченным умом, трясущимися руками, между мужиками не видал... Конечно, пьют при случае – святая, никольщина, покровщина, свадьбы, крестины, похороны, но не больше, чем пьем при случае и мы»¹⁵. Далее автор отмечает: «Заметно уменьшилось пьянство в «Счастливом уголке», несмотря на то, что вследствие уменьшения кабаков от возвышения цен на патенты, сильно распространена тайная продажа водки, которая есть во всех деревнях. Конечно, и теперь крестьяне гуляют на свадьбах, в общественные праздники, гуляют здорово, пьют много, больше, может быть, чем прежде, но отошли праздники – кончилась гуляня, и пьянства нет. Нет пьянства. Куда девалась страсть к пьянству! Пьяницы сделались степенными мужиками, многие вовсе даже перестали пить. Встретить не в свадебный или не в общественно-праздничный день пьяного мужика не то что в будни, но даже в воскресенье – необыкновенная редкость. Гораздо чаще можно встретить пьяного попа, дьячка или урядника, чем пьяного мужика»¹⁶. Объясняется такая перемена во взглядах крестьян по отношению к спиртному просто: крестьяне после реформы отмены крепостного права стали работать на себя и зарабатывать, даже больше, чем на отхожих

⁹ Русские заговоры и заклинания / Под ред. А.П. Аникина. М., 1998, С. 115, 116.

¹⁰ Частушки / сост. Ф.М. Селиванова. М., 1990. С.314, 315.

¹¹ Русские частушки / сост. Н.И. Рождественская, С.С. Жислина. М., 1956. С. 417.

¹² Там же. С.411, 415.

¹³ Там же. С. 415, 412.

¹⁴ Там же. С. 414, 416.

¹⁵ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М., 1937. С.25.

¹⁶ Там же. С. 373.

промыслах в Москве. «Зачем в Москву ходить, – говорят мужики, – у нас и тут теперь Москва, работай только, не ленись! Еще больше, чем в Москве, зарабатываешь»¹⁷. Раньше крестьяне работали в помещичьих хозяйствах и бедствовали, постоянно искали работу, деньги, хлеб. В пореформенное время ситуация изменилась. Крестьяне стали арендовать у помещиков землю и богатеть. Поэтому и в частушках мы находим отражение данного явления. Девушка мечтает выйти замуж за хорошо работающего и потому трезвого парня.

Известный этнограф Ольга Семенова Тян-Шанская в своей книге «Жизнь “Ивана”», обобщает портрет парня, который больше всего нравится противоположному полу: «По моим наблюдениям успехом у девок пользуются те малые, которые «чисто ходят», то есть имеют жилетку, пиджак, сапоги бутылками и хороший картуз. Действует также на девок умение играть на гармонике, некоторые словца «вежливые и игривые» (теперь у нас каждую девку называют «барышней» на улице), пожалуй, некоторая ловкость. В прежние времена костюм парней не имел такого значения, как теперь: прежде любили «кудрявых, да румяных, да веселых», не глядя на то, что они обуты в лапти»¹⁸. Таким образом, в конце XIX века у девушек особой популярностью пользовались парни, которые усвоили городскую моду:

Сюртучок-то на нем новенький,
Сапоги новы с калошами,
Есть жилеточка с часами
И манжеточка с духами,
Русы кудри при помаде¹⁹.

Почти у каждой девушки, за редким исключением, был почетник (дроля, прихехеня, матаня) – милый. Девушка, у которой не было парня, подвергалась насмешкам со стороны окружающих. За глаза ее называли – «обвесок» или «останица». В русском фольклоре много частушек, в которых парни высмеивают девушек. Смеются, прежде всего, над теми девушками, которые не умеют и не хотят хорошо работать, вести хозяйство, а вот физическая привлекательность или красота стоит не на первом месте. Предметом шуток служит и острое желание выйти замуж.

Наши девки – на припевки,
На работу – кое-как.
Пудры купят на полтинник,
Сами стоят четвертак.

Как у нашей Ньюшки
Чистота в избушке:
Тараканы по стенам,
По полу лягушки!

Ой, как жуковски девахи
Баско наряжаются;
Не умеют шей налить, –
Замуж собираются.

Заиграю в переборку,
Поднажму я на басы.
Хороша наша деревня,
Только девушки косы²⁰.

Выбрав себе девушку, парень начинал за ней ухаживать. Крестьянский этикет требовал от него корректного отношения к девушке как на людях, так и наедине. Парень, выбравший себе почетницу, старался чаще попадаться ей на глаза, встретив на улице или посиделках, вежливо здоровался, называл по имени и отчеству, то есть всячески высказывал ей свое предпочтительное внимание. Складывание отношений должно было проходить незаметно для окружающих, особенно старших:

До чего любой хорош,
Я не признаюся,
Мигнет сереньким глазком –
Я не рассмеюся.

Мы с миленком больно хитры:
Друг на дружку не глядим,
При народе ходим боком,
Без народа – посидим²¹.

В складывании пары принимала участие вся крестьянская молодежь, которая могла даже косвенно повлиять на мнение родителей девушки, если те не одобряли выбора дочери.

Когда игральная пара, наконец, складывалась, парень посылал девушке хороший подарок – «задаток», без которого их союз не считался действительным. Задатком могла быть прялка, деньги или сладости. Если девушка принимала задаток и присылала «отдарок» (кисет, носовой платок, вышитый пояс и т.д.), это говорило о том, что она согласна стать его почетницей. Обмен подарками рассматривался как заключение между девушкой и парнем своего рода договора, который действовал в течение одного сезона. Его можно было продлить еще на один сезон или расторгнуть и получить право выбрать себе на будущей год другую пару²².

Отношения внутри пары складывались по модели отношений между женой и мужем, принятых в крестьянской семье, но носили сугубо целомудренный характер. Девушка должна была

¹⁷ Там же.

¹⁸ Семенова-Тян-Шанская О.П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. М., 2010. С. 83.

¹⁹ Шангина И.И. Указ. соч., С. 194.

²⁰ Частушки. Указ. соч., С. 598-601.

²¹ Там же. С. 349.

²² Шангина И.И. Указ. соч., С. 199.

«блюсти себя», а парень уважать девичью честь. На посиделках и во время молодежных гуляний пара всегда была вместе, демонстрируя всем присутствующим свою симпатию. Обязательным элементом внутри пары было и дарение небольших подарков:

Платочки, синие каемочки
Дарила милому:
Утирайся, не стесняйся,
Замараешь – вымою.

Вытку пояс из крученки,
Мамоньке не покажу;
Придет милый на беседки –
Наряжу да погляжу²³.

Подтверждение этому находим в этнографических записках бюро князя В.Н. Тенишева: «У каждой девушки есть свой парень, который называется игральщиком. Ему она дарит носовой платок, а он подносит ей колечко. Парни соперничают, носят галстуки, часы, трости. Девицы стараются выделиться модным платьем, лентами, пользуются румянами. Красивой считается девица, если она высокая, полная, с небольшими глазами и недлинным носом (привлекательность парня определяется теми же признаками).

В первые часы встреч молодежь ведет себя сдержанно, после хороводов позволяют себе различные игры и разного рода вольности. Девица сердится, если ей запачкают платье или сорвут с головы платок. Вечером парни и девицы любезничают наедине, каждая девушка со своим игральщиком»²⁴.

Неписанным законом в паре считалась верность. Если девушку оставлял ее почетник, то она должна была постараться его вернуть. Но деревенская традиция не позволяла «брошенке» делать это открыто и навязываться к бывшему почетнику. Частушек с таким сюжетом большое количество. Следовательно, измены мужчин были обыденным явлением, и отношение крестьянского общества к ним, традиционно, было снисходительным:

Про измену мне сказали
В саду на дороженьке.
Опустились белы ручки,
Подкосились ноженьки.

Дроля в город, я в догоню,
Думала воротится.
У него другая есть,
Он туда торопится²⁵.

Девушки тяжело переживали сам факт измены. Но его образное воплощение в фольклоре значительно различается. В русских народных песнях измена выглядит как самое тяжелое горе.

Кумушки-голубушки,
Не знаете моего горюшка:
Осердился мой миленький,
Прогневался на меня-то,
Что на красную девушку!
У меня, у красной девушки,
Ретивое сердце заныло
И замком заперло...
Да куда ни поеду я,

Глаза не глядят;
Да кому ни скажу я,
Все плакать велят:
«Да ты плачь, ты плачь,
Девка, о своем горе!»
Проторил милый дороженьку,
Проторил, да не стал ходить;
Любил парень меня, девицу,
Да не стал любить²⁶!

В частушках на измену смотрят более позитивно, без особого трагизма. Девушка в частушках предстает гордой и знающей себе цену, и в отличие от песенного образа, способной постоять за себя и даже отомстить обидчику:

Дроля, схватишься, да поздно,
Пожалеешь, да не раз,
Пожалеешь, ягодиночка,
Моих веселых глаз!

Ну, пускай, пускай измена,
Ваня-ягодиночка, –
Ты засохнешь без меня,
Как в поле травиночка²⁷.

В таких случаях девушки обращались к мощи магии. «Ты засохнешь без меня» – это не просто фигура речи, это реальная угроза. Например, нужно было взять у обманщика платок, которым он вытирал пот, и бросить его в огонь со словами: «Как пот сохнет, так бы и он сох»²⁸. Знаток русской старины и собиратель славянских древностей М. Забелин приводит большое количество любовных заговоров. Вот один из них для присухи мужчины: «Из светлого веника берется прут, который кладут на пороге двери, в которую пройдет тот, для кого назначена присуха. Как только перешагнет через прут, то (прут) убирается (положившими его) в такое место, где его никто не мог видеть. Потом прут берут и кладут в жарко натопленной бане на потолок, приговаривая: «Как сохнет этот прут, пускай сохнет по мне раб Божий (имярек)»²⁹. Парня не только стремились вернуть (в случае, если это удавалось, его могла девушка тут же бросить), но и наказать за измену. Все зависело от характера девушки и ее чувств. Многие девушки грозили своему обидчику, что наведут на него порчу. Слухи об этом распространялись очень быстро. Парень, как и все в деревне верив-

²³ Частушки. Указ. соч., С. 345.

²⁴ ²⁴Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993. С. 241.

²⁵ Русские частушки. Указ. соч., С. 472, 473.

²⁶ Русские народные песни. М., 1988, С. 123-125.

²⁷ Частушки. Указ. соч., С. 473, 474.

²⁸ Русские заговоры и заклинания. Указ. соч. С. 136.

²⁹ Забылин М. Русский народ. Его обычаи, предания, обряды и суеверия. М., 2003. С. 323.

ший в действенность магии, начинал постоянно думать об этой угрозе и под влиянием самовнушения мог реально заболеть:

Если ты мне изменяешь,
Обращусь к колдуну:
Станут ноги кочерыжкой
И глаза по чугуну.

За измену лихорадка
Трепи розу моего,
Трепи четырнадцать недель,
По четыре раза в день ³⁰!

Упоминание в частушках колдуна – это не просто слово для рифмы, а реальность пореформенной деревенской жизни. В народе считалось, что колдуны знают магические законы, управляющие природой, и поэтому могут вызвать в человеке любовную страсть или наоборот, освободить от нее. Для девушки обращение к колдуну было крайним способом разрешения любовной коллизии, с которой она не могла справиться самостоятельно.

Отправляясь к колдуну, девушка надеялась или вернуть любовь парня в случае его измены, или избавиться от томившей ее любовной тоски ³¹. Некоторые девушки рассчитывали на помощь колдуна, чтобы отомстить за обиду и навести на парня порчу, особенно, если он собирался жениться на другой. Обычному такому парню «делали невестаниху». Колдун плел из суровых ниток тенето (сетку) и при завязывании каждого узла приговаривал: «У раба Божия (имярек) 77 жил и 77 суставов – все бы они на рабу Божия (имярек) не действовали...». Наговоренную сетку девушка должна была бросить в такое место, чтобы парень, не заметив, переступил через нее ³². К помощи колдунов и ведьм прибегали для осуществления «приворотов» и «отворотов» ³³. Каждая девушка понимала, что совершает грех, надеясь на помощь человека, отрекшегося «от Бога, отца-матери и рода-племени» ради возможности творить с помощью нечистой силы волшебство, поэтому к такому способу прибегали редко, так как в своей массе крестьяне были глубоко верующими людьми.

Девушки не только стремились вернуть парня, но и высмеять соперницу. В частушках эта тема представлена достаточно широко. Злая разлучница предстает обычно недостойной партией. Ее награждают различными уничижительными эпитетами:

Супостаточка моя
Маленького ростика.
Она похожа на собачку,
Только нету хвостика.

Супостаточка идет,
Вся перегибается –
Лошадиная походка,
Только не лягается ³⁴.

На основе народного фольклора можно составить портрет соперницы. Это девица с рыжими волосами, маленького роста, с ножками-лапками, как у лягушки, с лошадиной походкой, с пустой головой, тонкой шеей, косыми глазами, в грязной с заплатами одежде и с золотыми зубами. Народная фантазия на этом, конечно, не заканчивается. Сочинялись такие частушки для того чтобы с помощью злой сагиры избавиться от тоски и обиды, восстановить душевное равновесие. Для этой же цели служат и частушки, в которых девушке «измена нипочем». Брошенные почетницы в них не плачут, не тоскуют, а наоборот, веселятся и потешаются над бывшими кавалерами:

Мне миленок изменил,
Я сказала: ой, да-да!
Я тебя за кавалера
Не считала никогда!

Говорят, что мне измена,
Я и топнула ногой:
Через пять минут у девушки
Забавочка другой ³⁵.

Если девушке не удавалось вернуть своего любимого, она получала от подруг негласное разрешение на выбор другого. Если парня удавалось вернуть, девушка могла его тут же и бросить. Этот поступок воспринимался как восстановление равновесия – обманщик получал по заслугам.

Но не только парни были виноваты в том, что пара распадалась. Девушки тоже не всегда хранили верность своему почетнику. В частушках на эту тему звучит попытка оправдать такой поступок. Можно выделить два основных момента. Во-первых, девушка изменяет, потому что парень сам виноват («дроля заносился», обманывал). Во-вторых – девушка полюбила другого, более «статусного» («с тальяночкой нашла»). Умение играть на гармонии в деревенских парнях ценилось очень высоко:

С неба звездочка упала,
Много места заняла.
Пока дроля заносился,
Я другого нажила.

До свиданья, мальчик беленький,
Я бережком пошла.
Ты ищи себе другую, –
Я с тальяночкой нашла ³⁶.

В молодежной крестьянской среде считалось недопустимым, если девушка за сезон неоднократно меняла почетника. Такую девушку осуждали, не пускали на посиделки, не приглашали в хороводы, ее парень мог даже ее побить, но несмотря на такие правила, некоторых девушек это

³⁰ Частушки. Указ. соч., С.492, 493.

³¹ Шангина И.И. Указ. соч., С. 213-214.

³² Русский эротический фольклор: Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / сост. А.Л. Топорков. М., 1995. С. 357.

³³ Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов, 2004. С.258.

³⁴ Частушки. Указ. соч., С. 486.

³⁵ Там же. С. 494, 496.

³⁶ Там же. С. 500, 501.

мало останавливало. Объяснение такому поведению мы находим и в народном песенном фольклоре. Очень многие народные песни посвящены свадьбам с нелюбимым человеком и последующему безрадостному существованию. Такие песни были популярны в крестьянской среде, хорошо знакомы молодежи и зачастую они отражали реальную действительность и призывали молодых девушек: «Вы не ждите время, гуляйте теперя».

Вы не ждите, девки, время –
Гуляйте теперя,
Осень замуж отдадут.
Такой воли не дадут.
Навалится муж негодный,
Станет, будет измываться,
Все мною поношаться ³⁷...

Если игровая пара в результате измены распалась, то парень и девушка должны были вернуть друг другу подарки. И это лишний раз подчеркивает хозяйственную рачительность крестьян.

Выбор почетника и выбор будущего супруга – не одно и то же. Если в первом случае мнение девушки было решающим, то во втором главным было родительское слово и родительское благословение. Выбор невесты был уделом родителей, а точнее главы семейства. Мнение жениха спрашивали редко, личные симпатии не имели решающего значения, а брак являлся, прежде всего, хозяйственной сделкой. По мере ослабления патриархальных устоев, роста самостоятельности сельской молодежи положение в этом вопросе постепенно менялось, и брачный выбор перестал быть исключительной прерогативой родителей. Увеличилось число браков, заключенных без родительского благословения ³⁸. Хотя данное утверждение В.Б. Безгина нельзя распространять на всю территорию России. Так, материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева дают совершенно противоположные данные по этому вопросу. Одни авторы пишут, что «Браки без обоюдного согласия жениха и невесты случаются, и нередко. Девушки при этом более беззащитны». И тут же: «Браки по сговору родителей, без обоюдного согласия жениха и невесты редки. Бывают случаи отказа невесты от выбранного родителями жениха (если она еще не сосватана). Жених имеет больше прав в этом вопросе» ³⁹. Таким образом, вопросы заключения брака в отдельно взятой семье носили сугубо индивидуальный характер. Но тем не менее положение девушки было более приниженное, чем юноши, мнение которого учитывалось чаще. Поэтому и народные песни о предстоящем замужестве такие печальные. В народных частушках данная тема тоже нашла свое отражение. В некоторых частушках она звучит так же трагично, как и в песнях. Например:

С кем я зналась,
С тем рассталась.
С кем не зналась –
Повенчалась ⁴⁰.

Поедешь, кровочка, жениться,
Меня сзади понесут;
На тебя венец наденут,
Мне вечну память пропоют.

Не ищи, мать, меня дома,
Если милый жениться, –
Поищи меня в болоте,
Где вода чернеется.

Говорят, милаша женится,
И я скажу: женись.
Лягу я в сыру землюшку,
А ты повеселись ⁴¹.

В количественном отношении подобных позитивных частушек значительно меньше. При чтении такого рода причитаний создается впечатление не о глубоком горе девушки, которой предпochли другую, а скорее о шантаже родителей и бывшего жениха. Народное творчество изобилует частушками, в которых девушка либо совсем не переживает по этому поводу, либо обещает испортить свадебное торжество:

Хочет ягодка жениться,
Он другую хочет брать.
За него мне не давиться
Я с другим буду гулять.

Не венчайся, милый, в храме,
Не срами ты сам себя:
Взойду в церковь, возьму камень
И сшибу венец с тебя ⁴².

Для крестьянских парней женитьба на нелюбимой девушке тоже была довольно распространенным явлением.

Последний раз я надеваю
Новую сбрую на коня.
Ты не радуйся милая,
Еду сватать не тебя.

Меня женят, меня женят
По большой неволушке:
Стало некому работать
Во широком полюшке ⁴³.

³⁷ Семенова-Тян-Шанская О.П. Указ. соч. С.85.

³⁸ Безгин В.Б. Указ. соч. С. 209

³⁹ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Указ. соч. С. 245.

⁴⁰ «Гой еси вы, добры молодцы». Русское народно-поэтическое творчество / сост. П.С. Выходцев, Е.П. Холодова. М., 1979. С. 360.

⁴¹ Частушки. Указ. соч., С.100.

⁴² Там же. С. 101.

⁴³ Там же. С. 89, 90.

Таким образом, весь добрачный период был своеобразными университетами деревенской молодежи. За работами и увеселениями шел постоянный процесс передачи трудового и духовного опыта сельского мира. Молодежь усваивала традиционные этические представления и нормы поведения, перенимала фольклор. Незаметно, но постоянно крестьянская община формировала своих будущих членов, готовила их к взрослой семейной и общественной жизни ⁴⁴. Период выбора партнера и определения с будущим суженым или суженой, был довольно коротким. Брачный возраст и формы заключения браков имели локальные различия. Средний возраст вступления в брак для жениха составлял 18–19 лет, для невесты 16–17 лет. Ранние браки в народной традиции считались не только желательными, но и необходимыми. Этнограф Р.Я. Внуков объяснял это следующим: «Женить стараются помоложе – пока половой инстинкт заглушает в парне все остальные соображения, пока воля послабей, чтобы не женился по собственному желанию, да не выбрал неугодной жены. Невесту хотят взять помоложе, попослушней, полудетский характер, слабый организм, неумение работать – хорошее ручательство послушания невестки. Когда войдет в года невестка, окрепнет, задавят дети, поневоле смириться» ⁴⁵. Добрачные отношения в крестьянской среде были довольно яркими, насыщенными, но одновременно короткими по времени, ограниченными 2–3 годами. Народный фольклор, в частности частушки, являются незаменимым источником для более всестороннего изучения данной проблемы. Ведущий исследователь в области фольклора В.Я. Пропп писал: «В настоящее время вряд ли нужно особо доказывать, что всякое искусство, в том числе фольклор, восходит к исторической действительности и отражает ее» ⁴⁶.

⁴⁴ Русские. Указ. соч. С.472.

⁴⁵ Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М., 2012. С. 155.

⁴⁶ Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 116.